

с. 1.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Литературные очерки.

Разные новости. 07.-сентя.

Последняя крупная новость в саратовской литературе — драма Гауптмана „Возчик Геншель“. Германские корреспонденты русских газет тотчас по появлении ее передали содержание и описали ее успев на сцену. Перевод ее данъ журналом „Театръ и Искусство“, и читатели имеют возможность непосредственно ознакомиться съ этимъ дѣйствительно выдающимся произведениемъ талантливаго и немецкаго драматурга.

„Возчикъ Геншель“ предшествовали „Ганнеле“ и „Потопуемый валомъ“ — дѣйствія, совершенно отличающіяся отъ него по характеру, по духу, или „по направлению“, какъ иногда принято говорить. Последняя драма, такъ сказать, примыкаетъ къ болѣе раннимъ „Тацманъ“: здѣсь та-же среда народа или, точнѣе, рабочаго городского сословія, представленнаго писателемъ-реалистомъ. Есть въ „Возчикѣ Геншелѣ“ положенія, напоминающія „Власть тьмы“ Л. Н. Толстого, но, конечно, не дающая никакого основанія для подозрѣнія въ подражательности. На это мы укажемъ ниже, а пока, въ цѣляхъ близкаго ознакомленія читателей съ драмой, передадимъ ей содержание. Пересказъ художественнаго произведенія есть дѣло очень трудное и для самаго произведенія невыгодное, тѣмъ не менѣе это надо сдѣлать хоть въ общихъ чертахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ концѣ 60-хъ годовъ, въ домѣ гостиницы „Сѣрый Лебедь“. Больная, послѣ родовъ, жена Геншеля близка къ смерти. Несмотря на внимательное отношеніе къ ней мужа, она подозрѣваетъ его въ измѣнѣ, ревнуетъ къ прислугѣ Ганнѣ и, затѣмъ, передъ смертью беретъ съ него слово никогда не жениться на ней. Вотъ случай, который ложится тяжелымъ камнемъ на дальнѣйшую жизнь Геншеля. Послѣ смерти жены, Геншель все-таки женится на Ганнѣ. Поспѣвшая въ своихъ сужденіяхъ

*) Въ видѣ приложенія къ этому журналу, вышло нѣсколько дѣйствительныхъ драматическихъ произведеній.

молва выдвигалась изъ семейныхъ отношеній честнаго Геншеля, принисала смерть жонѣ и ея ребенка Ганнѣ при содѣйствіи самаго Геншеля, навязала имъ преступленіе. Слухъ разросался и дошелъ до супруга. Начались муки не въ чемъ несомнѣннаго человѣка, угрызения совѣсти, что онъ не сдержалъ слово, данное умершей женѣ, подозрѣніе Ганны въ преждевременной смерти жены и маленькой дочери. Моментъ катастрофы приближался быстро. Плате дѣйствіе цѣлкомъ изображаетъ душевные страданія Геншеля, толкающія его на какое-нибудь преступленіе. Онъ доходитъ до галлюцинацій, до бредовъ, и напрасно друзья стараются утѣшить его. Геншель уходитъ въ другую комнату и тамъ, безъ шума, кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Авторъ желалъ избѣгнуть трескачаго сенсационнаго эффекта, къ которому любятъ прибѣгать бездарности, и впечатлѣніе отъ этого только выиграло. Таковъ остоѣтъ драмы. Во всѣхъ пяти актахъ Гауптманъ не даетъ ничего исключительнаго, ничего ужаснаго; жизнь идетъ сама собой, со всѣми мелочами, и приводитъ къ концу, который проливаетъ свѣтъ на всѣ раньше описанныя мелочи и житейскіе пустяки. Все просто, естественно, реально, и, какъ мы не разъ говорили, тутъ-то и заключается самая серьезная драма, ибо жизнь сама по себѣ богата терніями.

Дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ довольно много. Главныя фигуры — Геншель и Ганна — изображены цѣльно, въ полный ростъ. Честный, работающій, немножко деспотичный Геншель — натура крупная, мужественная. Этотъ человѣкъ силенъ физически и характеромъ; мелкія невзгоды и неудачи отъ него отскакиваютъ, и нужна большая бѣда, чтобъ выбить его изъ колеи, раскатать и толкнуть на какую-нибудь сильную реакцію. До четвертаго дѣйствія, которое происходитъ въ пивной, Геншель улыбается, шутитъ, являясь добрымъ семейникомъ, милымъ собесѣдникомъ, хорошимъ товарищемъ; добродушію его, кажется, нѣтъ границъ. Но вотъ, среди полупьяной компаніи, слышится скверный намекъ на его прошлое; его задѣваютъ, его жестоко оскорбляютъ, и Геншель, безъ малѣйшихъ колебаній, беретъ одного за шиворотъ и выбрасываетъ вонъ,

потомъ беретъ другого за руку и держитъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отвѣтитъ на его вопросъ. Жалко и трусливо, но противникъ вынужденъ объясниться. Объясненіе для Геншеля тяжелое; ему открываютъ глаза на ходячую молву объ его будто-бы преступныхъ дѣяніяхъ и особенно его теперешней жены. Уязвили спокойную совѣсть, раскатали сильнаго человѣка, — теперь Геншель могъ-бы повторить знаменитый монологъ Отелло: „Прости, покой“. Поднялся рой подозрѣній и враждебныхъ чувствъ къ Ганнѣ; Геншель отъ всѣхъ готовъ требовать объясненія и возмездія. Въ душѣ сильнаго человѣка произведено смятеніе, сейчасъ-же перешедшее въ бурю, съ страшными порывами, которые рвали на своемъ пути все, что попадалось. Ганна удачно отрицаетъ свое участіе въ какомъ-либо зломъ дѣяніи, Геншель не знаетъ — вѣрить или не вѣрить, и это мучительное сомнѣніе доводитъ его до болѣзненнаго состоянія. Буря обрушилась на него самого: сильные люди часто сами объ себя разбиваются.

Остальныя дѣйствующія лица нарисованы также мѣткими чертами. Только относительно Ганны у читателя остается одно значительное сомнѣніе: дѣйствительно-ли она какимъ-нибудь способомъ ускорила смерть своей соперницы и ея ребенка. Отставной работникъ Гауффе, по злобѣ клеветующій на своего бывшаго хозяина; уравновѣшенный Зибенгаръ, терпѣливо ожидающій, что „все придетъ въ свое время“; суетливые хозяева пивной, заботящіеся о чести своего заведенія — всѣ они живутъ передъ нами. Художественная сторона драмы, ее реализмъ, ее правда во всѣхъ мелочахъ могутъ быть названы безукоризненными. Нѣстокихъ эффектовъ нѣтъ, а между тѣмъ она читается съ возрастающимъ интересомъ; на сценѣ же, безъ сомнѣнія, произведетъ еще большее впечатлѣніе.

Нѣкоторое сходство „Возчика Геншеля“ съ „Властью тьмы“ въ слѣдующемъ. Умирающая жена Геншеля напоминаетъ послѣднее время жизни Петра у Л. Н. Толстого. У русскаго писателя жена ради работника отравила мужа; у немецкаго писателя работница ради хозяина сводитъ въ могилу хозяйку. Л. Н. Толстой даетъ картину умершвѣнія ребенка, и Гауптманъ взваливаетъ на плечи

Ганпы подозрительны въ насильственной смерти и тоже младенца. У Л. Н. Толстого жена умершаго хозяина выходит за работника, а у Гауптмана мужъ умершей хозяйки женится на работницѣ. Подражанія нѣтъ, но нѣмецкій писатель, какъ будто нарочно вводитъ эти вышнія параллели.

Мы не можемъ не привести одного монолога страдающаго Геншеля:

— ...То, что со мной происходитъ теперь, началось куда раньше, чѣмъ я женился на Ганнѣ! Съ тѣхъ поръ понемножку такъ и пошло все дальше и дальше, какъ съ крутой горы. Сначала у меня вдругъ сломалась палка, крѣпкая палка изъ бычачьей жилы. Шу, какъ такой палкѣ сломаться? А сломалась! Вскорѣ послѣ того я переехалъ и на смерть задавилъ мою любимую собаку. Затѣмъ у меня издохли три лучшихъ лошади, изъ которыхъ одна—красивый рыжій жеребецъ стоитъ мнѣ цѣлыхъ триста талеровъ. Наконецъ, умерла моя жена! Какъ только это еще началось, я сейчасъ подумалъ: это тебѣ знаменія въ наказаніе за грѣхи! Когда на послѣдокъ умерла и жена, такъ я понадеялся, что съ меня, наконецъ, довольно будетъ, потому что больше, кажется, ужъ нечего было у меня взять. Дочка не идетъ въ счетъ—это ужъ видно такъ всегда бываетъ—потеряешь жену, такъ за ней и ребенку смерть. Только нѣтъ, видно еще мало на мою долю пришло. Вотъ онъ и сталъ тащить меня въ петлю!

Артистъ, играющій Геншеля, долженъ вести это мѣсто не только не крикливо, но даже и не горячо, безъ разныхъ драматическихъ усиленій. Чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше; къ этому обязываетъ мощная натура героя. Глубокая драма, составившаяся изъ цѣлага ряда бѣдъ и несчастій, выражается лишь въ легкомъ дрожаніи голоса, въ застывшемъ печальномъ взорѣ и въ нѣкоторой подавленности всей фигуры. Большое горе большого человѣка заявляетъ себя или сокрушеніемъ всего, что понадеется подъ руку, или грознымъ молчаніемъ, которое вотъ-вотъ прервется—и тогда Богъ знаетъ что надѣлаетъ „задержанная энергія“ крупной личности. То и другое страшно; въ томъ и другомъ случаѣ зритель поглощенъ и подавленъ происходящей сценой.

Слѣдуетъ пожалѣть, что пьеса Гауптмана пойдетъ въ нашемъ театрѣ не раньше будущаго сезона. Публика познакомились съ выдающимся драматическимъ твореніемъ едва-ли не лучшаго нѣмецкаго писателя.

Русскіе лучшіе писатели, какъ не разъ удостоверялось, не часто дарятъ насъ своими художественными работами, и естественно, если каждая новость, выходящая изъ-подъ ихъ пера, вызываетъ, такъ сказать, удвоенное вниманіе, во-первыхъ, потому, что мы встрѣчаемся съ лучшимъ старымъ другомъ, а во-вторыхъ—потому, что мы такъ рѣдко видимъ его. Последнія въ году книжки журналовъ обыкновенно стараются дать своимъ читателямъ подобный дорогой сюрпризъ. Ноябрьская книжка „Русскаго Богатства“ вышла съ новымъ разсказомъ В. Г. Короленка „Необходимость“ въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“ помѣщенъ „Случай изъ практики“ А. П. Чехова. Обѣ вещицы—небольшія, но, разумеется, выдающіяся изъ ординарной беллетристики изяществомъ, вкусомъ, тонкостью отдѣлки.

В. Г. Короленко называетъ свой разсказъ „достоинной сказкой“, смыслъ которой, конечно, одинаковъ для всѣхъ странъ свѣта.

Смыслъ глубокій, даже чисто-философскій, имѣющій прямое отношеніе къ пресловутому вопросу о „свободѣ воли“. Вотъ строки, объясняющія мысль автора:

Пойдемъ-ли мы направо—это будетъ согласно съ необходимостью. Пойдемъ-ли мы лѣво—это тоже съ нею согласно. Развѣ ты не понимаешь, другъ Пурана, что это божество (т. е. необходимость) признаетъ своими законами все то, что рѣшилъ намъ выборъ. Необходимость—не хозяйинъ, а только бездушный счетчикъ нашихъ движеній. Счетчикъ отмѣчаетъ лишь то, что было. А то, что должно быть, нуждается въ нашей волѣ для своего существованія...

— Значить...

— Значить... сами выберемъ путь, который ведетъ насъ туда, гдѣ живутъ наши братья.

Кѣмъ—то замѣчено, что художники нерѣдко рѣшаютъ самые спорные вопросы лучше специалистовъ-ученыхъ. Кажется, и г-ну Короленку вполне удалось представить убѣдительную иллюстрацію къ нескончаемому спору детерминистовъ и индетерминистовъ: Если-бъ падающій камень могъ сознавать свое паденіе, онъ считалъ-бы, что падаетъ по собственной волѣ,—приблизительно въ такихъ словахъ Кантъ высказался за „несвободу воли“. Г. Короленко говоритъ направо пойдете—философы сочтутъ васъ „несвободными“, поступающими такъ потому, что иначе и нельзя было поступить;

лѣво пойдете—вамъ скажутъ то же. Въ довершеніе всего—это ученіе или эта религія, имѣющая божествомъ Необходимость, развиваетъ и, пожалуй, оправдываетъ всякое ваше дѣйствіе, всякое поведение. А потому не считайтесь съ ней: дѣйствуйте по желанію, по собственной волѣ, не считайтесь съ тѣмъ, что необходимость беретъ себѣ слишкомъ много правъ.

Разсказъ г. Чехова касается иной области,—во всякомъ случаѣ не философской. По усвоенному въ послѣдніе годы обыкновенію, талантливый беллетристъ и въ этомъ коротенькомъ разсказѣ касается „настроенія“, которое, можно сказать, по существу своему неопредѣленно.

Доктора Королева вызвали на фабрику лѣчить больную, а больна она разными нервозами и нейрастеніями, какъ полагается въ нашъ вѣкъ крайняго физическаго утомленія однихъ и душевной усталости другихъ. Надо читать г. Чехова, чтобъ „настроение“, преподносимое читателю, было болѣе или менѣе сильно: художники умѣютъ этого достигать такъ, что мы и не замѣчаемъ. Причины болѣзни ясны. Бессонницу, которою страдаетъ его кліентка, докторъ называетъ „почтенной“. Она—„хорошій признакъ“. Докторъ, не ради утѣшенія, поясняетъ:

— Мы, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ внуковъ вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жалъ только, что мы не долеемъ.

— Что же будутъ дѣлать внуки?

— Не знаемъ. Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

— Куда уйдутъ?

— Куда? Да куда угодно, сказалъ Королевъ, мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку.

Разсужденіе немножко неожиданное, но у г. Чехова въ послѣднее время часто бываетъ, что по поводу незначительныхъ обстоятельствъ встаетъ весьма значительный вопросъ.

Отвѣтовъ пока нѣтъ. Есть только надежда, что „лѣтъ черезъ пятьдесятъ“ будетъ гораздо меньше раздѣляющихъ честно-мыслящаго человѣка противорѣчій дѣйствительности съ мечтой объ элементарной справедливости. Блаженъ, кто вѣруетъ.

К. С.—въ.

(К. Саратановъ)